

СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА РОССИИ

Нефедова Т.Г., д. г. н., ведущий научный сотрудник Института географии РАН

Во многих регионах главным лимитирующим фактором развития сельского хозяйства давно стал дефицит трудовых ресурсов, причем не столько количественный, сколько качественный, связанный с демографическими проблемами и деградацией социальной среды в сельской местности и сочетающийся с повышенным уровнем сельской безработицы. В статье рассмотрены устойчивые пространственные закономерности организации сельской местности по осям «север—юг» и «пригород—периферия». Выявляются основные демографические и социальные параметры, влияющие на уровень ее экономической поляризации и возможные изменения как в России в целом, так и на примере отдельных сельских районов.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА РОССИИ

Большинство статей об аграрном секторе посвящены его экономическим проблемам. Однако во многих районах главным лимитирующим фактором развития сельского хозяйства давно стал дефицит трудовых ресурсов, причем не столько количественный, сколько качественный, связанный с геодемографическими проблемами и деградацией социальной среды в сельской местности. Проблемы эти пространственно сильно дифференцированы, причем основным является не региональный, а локальный (на уровне административных районов) уровень исследования. В данной статье предпринята попытка показать сельскую реальность в ее социально-экономической и пространственной конкретности как в России в целом, так и на примере отдельных сельских районов.

Сельской местности в определенной мере не повезло. В последние годы один на другой наложились несколько неблагоприятных факторов:

- последствия длительной урбанизации XX в., в ходе которой из многих районов, особенно староосвоенных нечерноземных, уехали 2/3, а в периферийных районах до 90% сельского населения;
- монофункциональность сельской местности;
- кризис собственно сельского хозяйства, проявившийся уже с 1970-х гг. и наложившийся на него общеэкономический кризис 1990-х гг., вызвавший сильную пространственную поляризацию состояния агропредприятий;
- информационная глобализация, дошедшая благодаря телевидению, сотовой связи, компьютеризации до самых отдаленных уголков.

Современное сельское хозяйство России крайне дифференцировано, и это означает отнюдь не только разную специализацию хозяйства в различных природных условиях. В одних районах агропредприятия вписались в рынок

и наращивают производство, в других — находятся на грани коллапса. Крупные агрохолдинги, концентрирующие тысячи занятых и управляемые высококвалифицированными менеджерами, соседствуют с мелкими семейными хозяйствами и бывшими колхозами и совхозами, причем в разных районах преобладают различные организационные формы агросектора. Причины этих различий не всегда лежат на поверхности и связаны со сложным сочетанием природных, экономических и социальных факторов.

СОЦИАЛЬНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Организация сельской местности отличается от организации города — в деревне нет такого выбора занятий, как в городе. Только в отдельных районах России, в основном на севере и востоке, к агропроизводству прибавляются лесная и добывающая промышленность. На остальной территории советские власти пристально следили за «функциональной чистотой» деревни, обычно не допуская там развития иных производств, кроме сельскохозяйственного. В результате вся жизнь нескольких поселений зависела и до сих пор часто зависит от одного предприятия, неважно, называется оно колхозом, сельскохозяйственным кооперативом или акционерным обществом. С его состоянием связаны и заработная плата, и занятость, и многие социально-психологические проблемы населения, поэтому с упадком предприятия в омут безнадежности зачастую погружается вся сельская местность. А функционирование агросектора зависит от населения данной территории.

Во второй половине XX в. в исследованиях сельского хозяйства обладали, и надолго, технико-экономический и экономический подходы. Их цель виделась в изучении наиболее рационального размещения производства [Ракитников, 2003, и др.], а население рассматривалось как один из многих его ресурсов. Главным недостатком таких подходов было забвение социальных факторов, связанное с общей ситуацией в науке и отголосками сельского перенаселения. Считалось, что, в отличие от природных условий и земельных ресурсов, население есть всегда, а при нехватке его можно заменить техникой, в крайнем случае «пришлют горожан». Игнорирование демографических и социальных характеристик населения погубило многие начинания, в том числе и программу подъема сельского хозяйства Нечерноземья в 1970-е гг., а также программу возрождения российского льна в начале 1990-х. А тот факт, что сельскохозяйственная деятельность была не просто видом занятости, а образом жизни для значительной части сельского и даже городского населения не принимался в расчет.

Правда, в последние десятилетия активно развивается сельская социология, в том числе экономическая. Сближение социологических и экономических исследований характерно для Новосибирской школы Т. И. Заславской и ее учеников [Рывкина; 2001, Калугина, 2001, Фадеева, 2003], для исследований Московской высшей школы социальных и экономических наук (Интерцентра), проводимых под руководством Т. Шанина и А. Никулина [Крестьяноведение. Теория. История. Современность, 1996, 1997, 1999; Неформальная экономика, 1999; Рефлексивное крестьяноведение, 2002]. В Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН наиболее интересны для исследователей данной темы работы В. В. Пациорковского [Сельская Россия 1991—2000 гг., 2003]. Очень важны для анализа сельскохозяйственной деятельности в широком понимании этого термина

представления о ее мотивации, развиваемые на кафедре управления человеческими ресурсами ГУ—Высшей школы экономики [Эфендиев, Болотина, 2002]. Там же на кафедре социологии под руководством Н. Е. Покровского проводятся исследования российского сельского Севера, специфики его очагового развития и роли в нем горожан-дачников [Российский северный вектор, 2006; Перспективы российского Севера..., 2007]. И все-таки социально-экономические аспекты российской деревни именно в их географическом разнообразии по большому счету малоизвестны, хотя именно их география очень выразительна.

ПРИРОДНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ВЛИЯНИЕ ГОРОДОВ

То, что сельское хозяйство зависит от природных условий, доказывать не надо, однако степень этой зависимости часто переоценивают. Данные по 1800 административным районам России позволяют выявить довольно подробную картину типов территорий по сочетанию тепла и увлажнения, которые, естественно, подчиняются зональным закономерностям. Но районы с оптимальным соотношением тепла и влаги занимают всего 14% территории Российской Федерации, правда это составляет до 40% мировых запасов черноземов, и проживает там 58% сельского населения России. Особенность России в том, что новые территории она осваивала, в отличие от многих других северных стран, заселяя их, создавая в сложных природных условиях города и поселки, вокруг которых непременно возникало и свое сельское хозяйство.

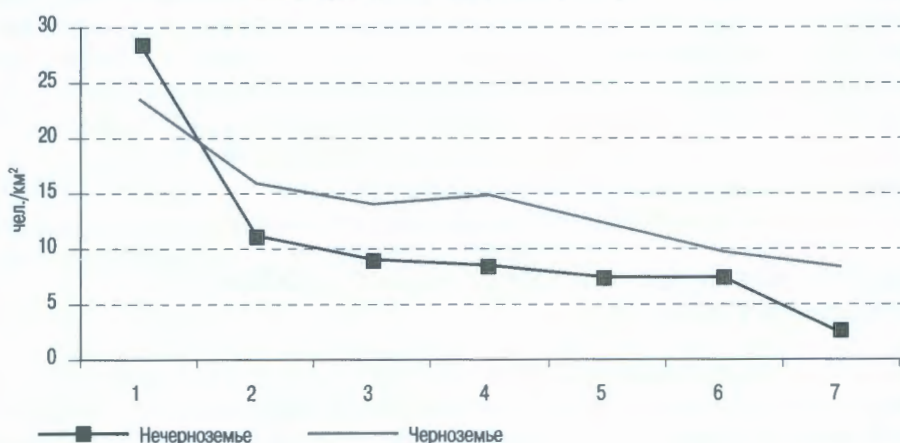
Если оценки биоклиматического потенциала перевести в показатели потенциальной урожайности зерновых культур, полученной на специальных участках при естественном сочетании тепла и влаги, то окажется, что фактическая урожайность и в конце 1980-х гг., и в 2000-е гг. лишь отчасти совпадала с этим потенциалом. Во многих нечерноземных регионах страны, особенно на их периферии, она ниже обусловленной природными условиями. Это говорит о том, что на пространственное распределение продуктивности и состояние сельского хозяйства влияют какие-то иные факторы.

Многие проблемы агропроизводства и до 1990 г., и сейчас были связаны с недоучетом региональных аспектов депопуляции и социальной деградации сельской местности. За 1959–2005 гг. Россия потеряла 19 млн сельских жителей. Наметившийся было прирост сельского населения в начале 1990-х гг. за счет внешних миграций в 2000 гг. сменился прежним оттоком. Сельское население стремилось и стремится в южные районы, а в Нечерноземье и на Востоке — в города и пригороды.

Обычно внегородское пространство России представляют как некий фон, имеющий разное землепользование (леса, луга, поля и т. п.) и специализацию сельского хозяйства. Тем не менее дифференциация внегородского пространства огромна, его социально-экономический рельеф ярко выражен, он имеет довольно устойчивые вершины и понижения. Это прежде всего различия между Севером и Югом. Однако разнообразие связано не только с различием природных условий и культурных традиций населения. Огромную роль в организации сельского пространства играют города (рис. 1, 2).

Во многих староосвоенных районах, а также в Сибири *главным фактором состояния сельской местности, развития ее инфраструктуры, экономики, количества и качества ее населения давно стало расстояние до больших городов, особенно до столиц регионов* [Июффе, Нефедова, 2001].

Рис. 1. Плотность сельского населения в пределах регионов европейской России по мере удаления от центров, чел./км²

1 — районы, непосредственно примыкающие к региональному центру (пригороды), 2 — районы-соседи второго порядка (полупригороды), 3–4 — районы-соседи третьего и четвертого порядка (полупериферия), 5, 6 и 7 — удаленные районы (периферия)

Источник: расчеты автора на основе муниципальной статистики по разным регионам России

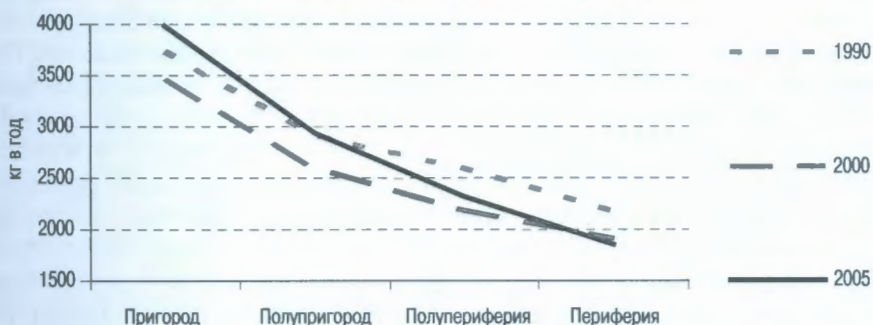
Если взять некоторые индикаторы состояния агропредприятий: рентабельность, продуктивность и т. п., — то, например, показатель надоев молока от одной коровы и в 1970—1980-х гг. и сейчас резко уменьшается в нечерноземных областях от пригорода к периферии. Кризис понизил все характеристики, но не изменил общий экономический рельеф. Сейчас сельское хозяйство выходит из кризиса, но выход из него в 2000-х гг. поднял опять же пригороды и еще больше опустил глубинку (рис. 2). Последние 17 лет показали, что *эндогенные факторы организации внегородского пространства России очень устойчивы и играют более важную роль, чем политические (капитализм или социализм), экономические (рынок или плановое хозяйство) и институциональные изменения.*

Влияние города на окружающую территорию во многом зависит от его размера. Чем крупнее город, тем большую зону повышенной социально-экономической плотности окружающего пространства он формирует. Зависит это и от общей освоенности территории: в более южных районах пригороды выделяются не так сильно, а на плотно заселенном равнинном Северном Кавказе резких различий нет.

Подобное расслоение сельского пространства России связано с относительно редкой сетью больших городов. Хотя в России около 1100 городов, только 168 из них имели в 2007 г. население более 100 тыс. жителей. Именно такие города способны сформировать вокруг себя административный район с более плотным населением и заметно лучшими показателями агросектора. В Нечерноземье (без Московской области) среднее расстояние между большими городами составляет 185 км, России в целом — 323 км. В то же время средний радиус пригородного административного района в европейской части России — около 35 км. Очевидно, что огромные пространства в Нечерноземье и на востоке страны стали социально-демографической пустыней или полупустыней.

Таким образом, ключевым фактором сильной деградации сельской местности стала *не сама урбанизация, которую проходили все развитые страны, а огромное российское пространство и редкая сеть больших городов.* При тающем сельском населении огромные территории оказывались выброшены за преде-

Рис. 2. Надои молока на одну корову в пригородах и на периферии регионов Нечерноземья в 1990, 2000 и 2005 гг., кг в год

Источник: расчеты автора на основе муниципальной статистики по разным регионам России

лы активной социальной и экономической жизни, население оттуда бежало с удвоенной силой. *Сжатие заселенной территории к югу и к городам, идущее в XX в., расшло и сельскохозяйственное пространство, местами превратив его в подобие швейцарского сыра.*

В России с ее огромными пространствами близость большого города почти всегда означает лучшую обеспеченность элементарными товарами и услугами, более плотную дорожную сеть, газификацию жилья, наличие водопровода. Для периферии характерна не только депопуляция, но и бездорожье, замкнутость связей, социальная апатия и часто экономическая депрессия.

В результате самое мощное сельское хозяйство у нас до сих пор существует на юге и, как это ни парадоксально, в пригородах, в том числе в Московской и Ленинградской областях, раньше других вставших на путь постиндустриального развития. И дело не в пригородной специализации сельского хозяйства, ведь современные технологии позволяют расширять сырьевую зону до 500—900 км. Именно здесь, в плотной социально-экономической среде пригородов, сохранились самые надежные и продуктивные хозяйства. В рыночных условиях, когда перестали поддерживать дотациями убыточные хозяйства, эти различия стали даже более явными и поляризация агропредприятий усиливается. А вместе с этим усиливается поляризация всего сельского пространства.

Эпоха глобализации наглядно демонстрирует в России пространственную альтернативу землеемкому площадному сельскохозяйственному освоению индустриальной эпохи. На смену экстенсивному освоению во многих регионах идет ареальное, очаговое и даже точечное освоение, к которому наши власти оказались совершенно не готовы. Районы с наиболее дееспособными предприятиями — своеобразный опорный каркас развития сельского хозяйства и сельской местности — занимают незначительную территорию: в Нечерноземье — 5—10% (даже если включить Московскую и Ленинградскую области), вместе с югом — не более трети сельскохозяйственных угодий России. Есть некоторые переходные зоны, а остальное пространство, особенно в староосвоенных районах, можно назвать «черными дырами» сельского пространства, для которых характерен жесточайший экономический кризис и деградация социальной среды. Это в основном российская периферия: внешняя, то есть удаленные северные и восточные районы, и внутренняя — районы, удаленные от больших городов.

Демографический потенциал села определяет не только плотность сельского населения, а ее сочетание с процессами депопуляции. Последняя, как правило, дополняется отрицательным социальным отбором, при котором из

села уезжают наиболее молодые и активные люди. Постепенно происходит деградация трудового потенциала и социальной среды сельского сообщества: преобладают люди старшего возраста, сильно распространен алкоголизм.

Обобщение обширной информации по Нечерноземным районам [Нефедова 2003, 2007] позволяет утверждать, что существуют некоторые демографические рубежи, при переходе через которые происходят необратимые изменения в самом сельском сообществе и в его деятельности. Эти рубежи могут быть выявлены с помощью обоих ключевых показателей: плотности сельского населения и степени депопуляции, которые работают только вместе. Каждый из этих показателей сам по себе не является значимым рубежом: могут быть слаборасположенные территории, освоенные недавно, но имеющие молодое население и явные перспективы развития; могут быть территории с заметно поредевшим населением, но его изначальная плотность была так велика, что потери населения еще не создают проблем с развитием активной деятельности. А совместно эти показатели служат яркими индикаторами состояния сельского сообщества и экономики, особенно таких видов деятельности, как сельское хозяйство.

Важен также выбор масштаба территории. Рассчитывать плотность населения по регионам бессмысленно, поскольку дифференциация плотности связана с удаленностью от главного центра и больших городов, и ее внутрирегиональные различия гораздо выше межрегиональных. Но и плотность населения на локальных территориях не показательна, ведь в отдельно взятом поселении и даже их группе она будет велика. Оптимальной единицей для такого рода расчетов служит внутрирегиональный административный (муниципальный) район. Их в России около 2000, а в каждом регионе порядка 20—30.

Первый рубеж состояния сельского сообщества связан с уровнем депопуляции в административном районе до 50% от максимальной численности сельского населения на исследуемой территории (для Нечерноземья это 1926 г.) и плотностью населения 10 человек на км². Он олицетворяет некоторый качественный переход в демографической структуре населения: скорость роста доли нетрудоспособного населения (по возрасту и в результате социальных патологий) увеличивается, освоенная территория начинает уменьшаться. Однако ее еще можно удержать путем больших финансовых вливаний и жестких административных методов руководства.

Следующий рубеж депопуляции — снижение численности до 25%. Если при этом плотность сельского населения падает до 5 и менее человек на км², коллапс крупноплощадной сельскохозяйственной деятельности неизбежен. Здесь уже не помогут ни инвестиции в сельское хозяйство, ни административные меры.

В отличие от западных стран, где сельское хозяйство приспособлялось к уменьшающемуся сельскому населению, сокращало обрабатываемые площади, стимулировало рост производительности труда и т. п., в России колхозы и совхозы расширяли пашню и строили огромные животноводческие комплексы в местностях, в которых уже некому было работать. Под строгим партийным контролем, с огромными дотациями посевные площади и поголовье скота удерживали во всех районах Нечерноземья, даже если поля некому было убрать, а скот был болен и его нечем было кормить. Поэтому система и рухнула в одночасье в 1990-х гг. при замене административных рычагов функционирования агропредприятий на коммерческие условия — эти процессы были подготовлены всем ходом предыдущего развития.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

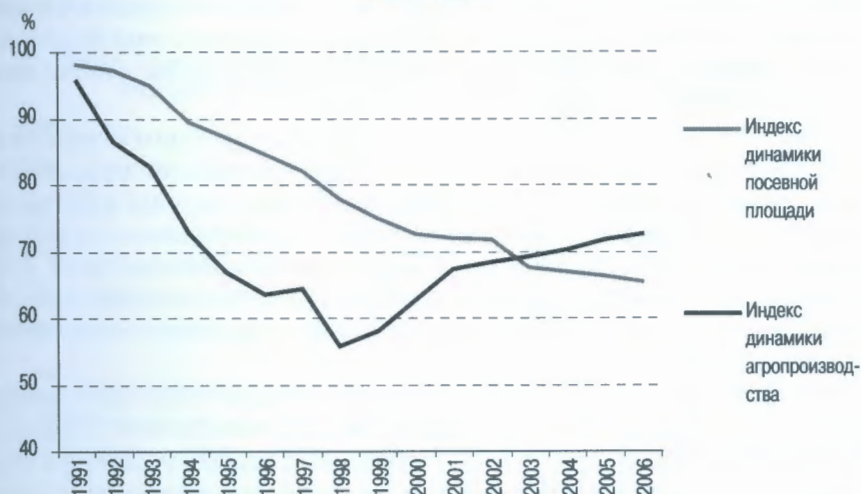
За 1990-е гг. объем агропродукции сократился на 40%, а в коллективном секторе — на 60%. поголовье крупного рогатого скота на предприятиях упало в 3 раза, свиней — в 4, сократилось производство молока и мяса. Поначалу подавляющая часть, а к 2007 г. уже только около половины российских агропредприятий не смогли вписаться в новые условия. Но даже в самые тяжелые годы пространственные различия были велики. В Подмоскovie доля убыточных предприятий в 1997—1998 гг. не превышала 30—40%, а в Ивановской области зашкаливала за 90%. Еще сильнее были различия между пригородами и периферией регионов.

Сейчас агропроизводство растет. По сравнению с худшими годами (1996 и 1998) оно увеличилось на треть. Но пока речь идет об идущем с разной скоростью в различных подотраслях восстановлении потерянного. При этом, несмотря на рост производства, посевная площадь в России продолжает сокращаться (рис. 3). Это говорит об избирательности процессов восстановления сельского хозяйства. Восстанавливаются и модернизируются отдельные предприятия на Юге и в пригородах, которые и дают существенный прирост продукции, в то время как в остальных районах кризис продолжается. Иначе говоря, *на этапе выхода из кризиса поляризация сельского пространства только усиливается и входит в приблизительное соответствие с реальным расселением и рыночным потенциалом.*

Тем не менее многие крупные и средние предприятия живы, и это связано не только с тем, что они востребованы сверху. Главное, они востребованы местным населением. Для России с ее 73% городского населения все еще характерна высокая занятость в сельском хозяйстве, которая заметно увеличилась в кризисные годы. Официальный показатель (около 10% общего числа занятых в экономике) отражает лишь занятость на сельскохозяйственных предприятиях. В стране есть 16 млн личных подсобных хозяйств, владельцы которых тратят в среднем 2—4 часа в день на сельскохозяйственные работы, а еще есть сады, огороды и принадлежащие горожанам наследные дома в деревне. Оценки суммарных затрат времени на производство сельскохозяйственной продукции показали, что они больше, чем в промышленности [Горбачева, 2000].

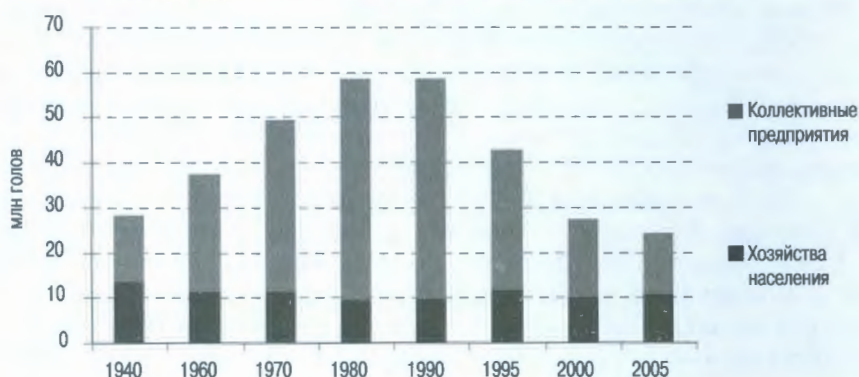
В результате кризиса крупных и средних предприятий более половины продовольствия современной России, согласно статистике, производят хозяй-

Рис. 3. Динамика сельскохозяйственного производства и посевной площади, в % к 1990 г.

Источник: Регионы России 2007. — М.: Федеральная служба государственной статистики, 2007

Рис. 4. Поголовье крупного рогатого скота в крупных и средних коллективных предприятиях и в хозяйствах населения, 1940–2005 гг.

Источник: Регионы России 2007 — М.: Федеральная служба государственной статистики, 2007; Российский статистический ежегодник — М.: Госкомстат России, 1996; Народное хозяйство РСФСР в 1970 г. — М.: ЦСУ РСФСР, 1971 г.

ства населения, включая горожан [Россия в цифрах, 2007]. В 1990-х гг. произошел откат к самообеспечению населения и мелкому товарному производству. Но и здесь пространственные различия велики. В Нечерноземье происходит дальнейшее сужение зон крупнотоварного сельского хозяйства и увеличение обширных зон социально-экономической депрессии, связанной с усилением кризиса большинства предприятий. Доля хозяйств населения меньше в пригородах и особенно велика на периферии регионов, где она достигает 80–90% общего производства. На равнинах Северного Кавказа, в Поволжье и на юге Сибири предприятия, наоборот, выходят из кризиса, но это сопровождается тем, что зерновое хозяйство как наиболее прибыльная отрасль вытесняет традиционные отрасли, особенно, трудоемкое животноводство. И деградация колхозов в Нечерноземной глубинке, и изменение специализации многих южных районов в сторону резкого увеличения доли нетрудоемкого растениеводства дают сходные импульсы: повышается доля незанятого сельского населения, а следовательно, и экономическая роль частного подворья.

С выходом части крупных и средних коллективных предприятий из кризиса доля мелких хозяйств населения должна уменьшиться. Однако последние годы показали, что частный сектор имеет внутренние резервы. В районах, сохранивших трудовой потенциал, товарность мелких хозяйств возросла. Нишу, которая предназначалась для фермерских хозяйств, в России заняли товарные хозяйства населения.

Классический симбиоз предприятий и мелкого частного хозяйства наблюдается в зерновых районах Поволжья. При расширении производства зерна и упадке животноводства в крупных хозяйствах, товарное животноводство на колхозных кормах стало развиваться в индивидуальных хозяйствах населения, что позволило сохранить и даже увеличить поголовье скота. Сходные процессы наблюдаются на юге, только там из-за большой населенности сел и недостатка пастбищ сельские жители чаще выращивают на колхозном зерне свиней и птицу.

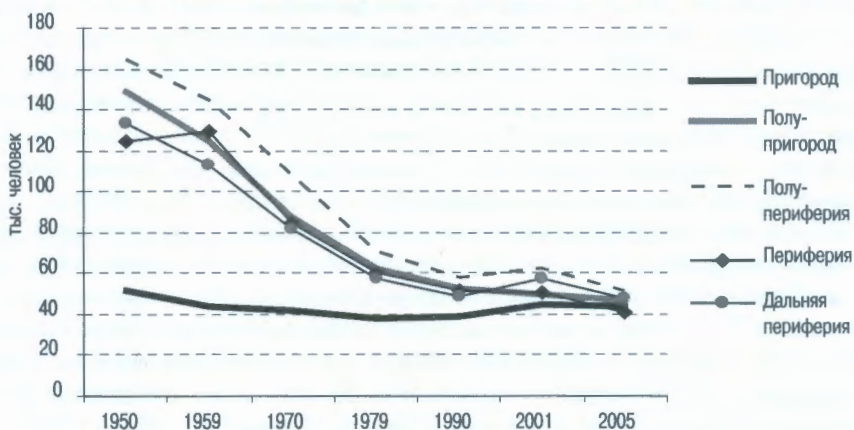
Уже сформировались целые районы высокотоварного индивидуального хозяйства: луковые, огуречные, помидорные, скотоводческие [Нефедова, 2003; Нефедова, Пэллот, 2006]. Они, как правило, хорошо известны в своих регионах, но их общероссийская география пока не изучена. Часть из них имеет шанс превратиться в территории концентрации устойчивого малого

частного бизнеса, однако в большинстве случаев их развитие ограничено возможностями трудового потенциала при уменьшающемся сельском населении. Хотя в ряде мест, например в луковом районе вокруг озера Неро в Ярославской области, передаваемая социальными сетями традиционная специализация мелких хозяйств подхватывается переехавшими в Ростов или Ярославль наследниками сельских домов, для которых производство и продажа лука оказывается существенной прибавкой к жалким зарплатам бюджетников.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ

Социальные ограничения развития агросектора наиболее сильны в Нечерноземье, внутрирегиональную специфику которого можно рассмотреть на примере Костромской области. Здесь только в пригородном Костромском районе с 1959 г. почти не изменилась численность сельского населения (рис. 5), в то время как во всех остальных районах его осталось менее трети. На периферии области, например в Угорском поселении Мантуровского района, с начала XX в. численность сельского населения уменьшилась на порядок, а с 1959 г. —

Рис. 5. Изменение численности сельского населения Костромской области по мере удаления от Костромы с 1950 по 2005 гг., тыс. человек

Источник: муниципальная статистика Костромской области

Рис. 6. Население на территории Угорского сельского поселения Мантуровского района Костромской области, человек

Источник: данные администрации Угорского сельского поселения и краеведческого музея г. Мантурово

в 5 раз (рис. 6). Посевная площадь в пригороде областного центра также почти не изменилась, а на периферии уменьшилась в 5—10 раз.

Плотность населения в Костромском районе — 22 человека на км², в то время как в соседних районах — уже 6—10, а на периферии 2—3 человека. В пригороде активно используется накопленный в советское время производственный потенциал. Сюда приходит бизнес, обычно не местный, а, например, вологодский и, конечно, московский. Здешние жесткие менеджеры не сравнимы с руководителями глубинки, откуда урбанизация выкачала лучшие кадры. Идет укрупнение агропредприятий, поглощение сильными слабыми, поскольку первым не хватает земли и оборотных средств. Средний надой молока на одну корову в Костромском районе более 4500 кг, а в некоторых предприятиях достигает почти западного уровня — 6000 кг. Пригородный район концентрирует значительную часть сельского населения и агропроизводства (на 3,4% территории 19% населения и четверть валовой продукции сельского хозяйства всей области). Даже при относительно неблагоприятных для сельского хозяйства природных условиях северного Нечерноземья сельскохозяйственный очаг вокруг Костромы сохранится.

Но пригородная и полупригородная (районы-соседи областного центра второго порядка) зоны имеют и свои особенности. Возможности развития сельского хозяйства Костромского района ограничены сильной конкуренцией иных природопользователей, прежде всего дачной рекреацией самих костромичей. В последние годы стали выгодны вложения в землю, цена которой в пригородах быстро растет, поэтому сельскохозяйственные земли активно скупают банки, строительные фирмы, а также частники. Все чаще имеют место искусственные банкротства агропредприятий. Здесь сохранятся лишь крупнейшие предприятия, прочно занимающие нишу на рынке, которые будут создавать свои более землеемкие филиалы в соседних районах.

В полупригородах тоже много костромских и более дальних дачников, но ажиотаж вокруг земель меньше. Агропредприятия здесь несколько слабее, зато больше фермеров на 1000 человек населения (5 хозяйств, в то время как в других районах — 1—2). Именно здесь при наличии свободных земель сельская среда не столь безнадежна, как на периферии. Важна и относительная близость города.

Совсем иная ситуация на периферии, где сельское хозяйство почти не имеет шансов на выживание. Многолетняя поддержка убыточных хозяйств, которые в подлинно рыночных условиях не могли бы существовать, способствовала в советское время консервации обширной зоны экономически слабого агросектора. Кризис производства здесь не связан с современными реформами, он проявился с уменьшением мощной государственной поддержки, но уходит корнями гораздо глубже.

Реальные процессы сжатия прежде освоенных территорий периферии отражают данные землепользования. Например, в уже упомянутом Угорском сельском поселении на периферии области, которое нами подробно обследовалось, колхоз им. В.И. Ленина до 1990 г. распахивал 2,3 тыс. гектар. Сейчас в СПК «Свобода», образованном на месте колхоза, числится 1,3 тыс. гектар пашни, но распахивается в последние годы не более 170—180 гектар. Остальная пашня — это, по существу, залежи, на которых либо выросли сорные травы в рост человека, либо восстанавливается лес. Таким образом, официальная статистика землепользования совершенно неадекватно отражает процесс.

В идеале при коллапсе землеемкого сельского хозяйства предполагается *переход к частному сельскому хозяйству и многофункциональной экономике*. Но возможности такого перехода *ограничены человеческим капиталом*. Казалось бы,

демографическая катастрофа в Угорском сельском поселении налицо: от 3200 человек, проживавших на этой территории в 1926 г., осталось 386. Из них 196 человек в трудоспособном возрасте — это не так мало. В полуживом сельскохозяйственном кооперативе занято 30 человек (было 120), столько же в бюджетной сфере. Еще есть лесхоз (12 человек), 3 человека работают в магазине и 4 на пилораме. Более четверти населения на отходе в городах, еще четверть — безработные и почти нетрудоспособные из-за алкоголизма.

Таким образом, о количественном дефиците трудовых ресурсах говорить не приходится. Даже в таких глубинных депопулировавших районах имеет место *количественный избыток населения в сельской местности* при недостатке рабочих мест. Но эти рабочие места не появляются из-за конкуренции городских вакансий и качества местной рабочей силы. В таких районах, как и практически во всем Нечерноземье за пределами Московской области и пригородов больших городов, совершенно очевиден дефицит качественный.

Качественный дефицит трудовых ресурсов формирует сама деградирующая сельская среда, выталкивая реально трудоспособное население в города и пригороды на постоянное жительство или временную работу. Глобализация, вернее ее информационная составляющая, только усилила этот процесс, разрушив архаичность и оторванность деревни. Теперь выпускников школ уже не удержать в деревне и тем более не привлечь в нее после учебы в городе ни повышенными зарплатами, ни строительством домов, как предполагает правительство. *Глобализация отодвинула экономические критерии на второй план, выдвинув вперед проблему социальной среды, соответствующей запросам молодежи.*

Наступление природы на культурные ландшафты в таких районах неизбежно. Упадок сельскохозяйственных угодий сводит освоенное пространство к отдельным очагам. Для частичного сохранения староосвоенных территорий и расширения их функций нужны, во-первых, критическая масса реально, а не формально трудоспособного населения и, во-вторых, возможность вброса трудовых ресурсов извне. В каждом периферийном районе существует несколько локальных точек роста: единичные крепкие хозяйства (по существу теневые фермерские), лесозаготовительные предприятия, торговые точки. Но ими владеют и на них работают либо приезжие из других регионов России и бывших республик СССР, либо наследники бывших владельцев из ближайших малых городов.

И все же будущее таких районов не совсем безнадежно. Костромская, Новгородская, Псковская области, не говоря уже о регионах, окружающих Московскую область, представляют собой дачные зоны Москвы и Санкт-Петербурга. Готовность передвигаться у горожан увеличилась, огромные территории уже превратились в окраины мегаполисов. И это один из самых реальных путей развития подобных сельских районов. Но только сезонно и только в небольших очагах с лучшей доступностью и красивой природой. Например, в Угорском сельском поселении почти половина участков, находящихся в собственности, принадлежит горожанам, в основном москвичам, несмотря на огромное расстояние до столицы — 600 км. Правда, для дачников характерны довольно редкие и относительно длительные поездки.

Но способны ли вкрапления горожан сохранить то, что не удастся местному населению? Горожане спасают отдельные дома, отчасти деревни, но не землеемкое сельское хозяйство и не сельское сообщество, хотя востребованность дачниками продуктов личного подсобного хозяйства населения и рабочей силы для ремонта домов способна задержать в деградирующих деревнях трудоспособное население. По мере его исчезновения жизнь городских дачников может стать проблематичной.

Местные власти, несмотря на уже значительный срок дачного заселения глубинки, не готовы к этой инновации. Их мышление очень консервативно, они по-прежнему надеются на то, что государство одумается или придет бизнес и будет восстанавливать, хотя бы частично, землеемкое сельское хозяйство. Областные и районные власти не заинтересованы в сохранении постоянной инфраструктуры ради сезонного летнего населения, которое они не воспринимают как свое. В результате дачного заселения *стабильной сети услуг не создается*.

Подобные процессы происходят и в других регионах Нечерноземья. Например, в Новгородской области агропроизводство развивается в основном в пригороде Новгорода (30% всей агропродукции области) и в районах вдоль границы с Ленинградской областью, попадающих в зону влияния Санкт-Петербурга. Для остальных районов характерно резкое сжатие посевных площадей, тотальный уход зерновых культур и традиционного льна и сильные потери поголовья скота.

Пригород Новгорода — единственный район, не потерявший за вторую половину XX в. сельского населения, в то время как в остальных оно сократилось более чем наполовину, а в некоторых — в 3–4 раза. В наихудшем положении по степени депопуляции оказались даже не отдаленные восточные периферийные, а полупригородные районы вдоль трассы, из которых Новгород и Санкт-Петербург выкачали сельское население, а также районы, расположенные в «глухом углу» между Москвой и Санкт-Петербургом на стыке Новгородской, Тверской и Псковской областей.

При этом произошло тотальное сокращение сельскохозяйственной занятости, опередившее сокращение населения — отсюда высокая безработица в сельской местности, которая сочетается с жалобами руководителей предприятий, что работать некому, поскольку все, кто способен что-то делать, бегут из затягивающей среды. Многолетний отток населения из этих районов создал острейшую проблему качества трудовых ресурсов в сельской местности.

Здесь также происходит замещение сельскохозяйственного дачным использованием, что стимулируется относительно хорошей транспортной сетью Новгородской области. В конце 1980-х гг. на остатки советских денег и в начале 1990-х за счет дорожных фондов были отремонтированы дороги, так что деревни здесь, в отличие от многих других областей Нечерноземья, доступны. В умирающих, согласно официальной статистике, деревнях возникают целые улицы новеньких домов. Особенно велик спрос на землю в наиболее живописных деревнях на берегах рек и озер, дальние дачные зоны Москвы и Санкт-Петербурга сходятся у озера Валдай.

Но и в районах с более успешным сельским хозяйством Новгородской области кадровая проблема обостряется близостью больших городов. На селе даже в пригороде трудно найти работников, все предпочитают работать в Новгороде, а в последние годы в Санкт-Петербурге. Отток в города молодежи остановить не удастся, помимо более высокой зарплаты (разница в оплате сходного труда в районах Новгородчины, примыкающих к Ленинградской области, и в ближайшем пригороде Санкт-Петербурга достигает 3–4 раза), молодежь не устраивает и сама сельская среда. Попытки привлечения мигрантов из других регионов, в том числе из Казахстана, не дали результатов, район все равно используется как промежуточная ступенька для переезда в города.

Таблица 1. Некоторые характеристики населения районов вдоль границы Московской области и окружающих областей

Области	Всего населения, тыс. чел.		Плотность всего населения, чел./ км ²		Плотность сельского населения, чел./ км ²	
	Московская	соседние	Московская	соседние	Московская	соседние
Владимирская область	1295,4	380,0	144,7	35,8	24,5	8,8
Рязанская область	316,9	110,7	42,8	14,8	15,7	8,0
Тульская область	426,9	236,8	99,0	51,1	21,5	10,9
Калужская область	966,1	241,8	126,3	45,6	26,3	7,8
Смоленская область	104,8	49,4	27,2	11,5	11,9	5,2
Тверская область	659,9	672,4*	66,1	43,5	16,7	7,3
Ярославская область	225,0	63,2	113,1	20,2	25,1	6,6
Всего	3108,8**	1753,7	97,9**	34,5	21,2**	7,9

Примечания: * — в том числе 405,5 тыс. человек проживает в Твери; ** — сумма по столбцу больше указанной в данной графе из-за двойного учета в строках районов, граничащих с двумя областями.

Источник: Численность населения Российской Федерации по городам, районам, поселкам городского типа на 1 января 2007 г. — М.: Федеральная служба государственной статистики, 2007

Даже в ближайшем окружении Московской области в результате оттока населения складывается качественный дефицит трудовых ресурсов. Перепады плотности населения на границе Московской и окружающих областей, рассчитанные для административных районов, составляют в среднем 2,8 раза [*Московская область сегодня и завтра, 2008*], так как в полосе пограничных районов Московской области проживает более 3 млн человек, а на большей территории смежных районов окружающих областей — в 2 раза меньше. Из-за длительного миграционного оттока плотность их сельского населения не превышает 10 человек на км², за исключением смежных районов Тульской области (табл. 1). Но это зимнее население. Летом, как и в Московской области, оно увеличивается в 2–4 раза за счет дачников.

Преимущества районов, примыкающих с внешней стороны к Московской области, как и районов — соседей Московской области второго порядка — свободная земля, относительно низкие цены и ставки аренды недвижимости. Это вкупе с не очень большой удаленностью от Москвы привлекает инвесторов. Именно сюда некоторые московские агропромышленные комплексы выносят загрязняющие откормочные животноводческие хозяйства, приобретают землю для зернового хозяйства и травосеяния. Собственное сельское хозяйство даже в ближайших районах находится в упадке, за исключением пригородов Рязани и Твери, почти примыкающих к границам Подмосковья, и отдельных предприятий, которые смогли наладить связи с московскими или подмосковными переработчиками сельхозпродукции. Кроме того, на магистралях, связывающих соседние области с Подмосковьем, проектируются и размещаются транспортно-логистические центры, предприятия по производству стройматериалов, а также новые предприятия с иностранными инвестициями. Вне главных дорог встречаются в основном дачные массивы разного типа и уровня. В то же время везде идет натиск московского и отчасти подмосковного бизнеса, скупающего земельные паи крестьян, а иногда муниципальные земли, особенно вдоль дорог, в расчете на тенденцию их постоянного удорожания и часто без каких-либо явных намерений.

Кроме того, общей проблемой «внешнего кольца» Московской области стал растущий отток кадров любой квалификации в Москву и в притрассовые районы Московской области, диктуемый избытком незанятого населения и привлекательностью московских и подмосковных заработков, превышающих местные в несколько раз. Полностью безвозвратными чаще оказываются миграции молодых. Людей среднего возраста частично или совсем удерживают на месте семьи, дома, огороды. Проблема наплыва дальних мигрантов здесь не так остра, как в Москве, гораздо острее проблемы отношений с московскими дачниками, среди которых вывоз мусора и общее повышение цен, которые не приводят к развитию сервиса, а лишь дают дополнительный стимул местному населению к заработкам в столице и ее пригородах, чаще вахтовым способом. Именно эта категория «вахтовиков», составляющая в удаленных районах около четверти трудоспособного населения, а в ближайших к Московской области районах даже больше, является основой потенциального развития небольших городов и сельской местности областей, окружающих Московскую агломерацию. Но вернуть работников в свои районы и города теперь намного сложнее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Природные, демографические и экономические факторы развития сельского хозяйства всегда переплетены, формируя тот или иной тип социально-экономического пространства. Географическое распределение факторов — не феномен последнего десятилетия: оно осталось тем же, что и в советское время, что говорит о существовании устойчивых пространственных закономерностей организации сельской местности и хозяйства, прежде всего по осям «север—юг», «запад—восток» и «пригород—периферия». Изменился только характер приспособления сельского хозяйства к природным и социально-экономическим факторам. Можно отметить: 1) усиление территориального разделения труда между севером и югом и сдвиг сельского хозяйства в районы с более благоприятными агроклиматическими и демографическими условиями, 2) увеличение поляризации предприятий и в целом сельской среды, 3) усиление роли пригородов в развитии сельского хозяйства регионов, особенно в Нечерноземье и Сибири. Повысилось влияние этнических различий на организацию и результаты сельскохозяйственной деятельности даже в коллективном секторе, не говоря уже об индивидуальном хозяйстве.

В то же время основу понимания современного сельского хозяйства уже не могут составлять только его технико-экономические показатели. Сельское хозяйство, особенно в кризисное время, тесно связано с социально-демографическим потенциалом сельской местности, образом жизни местного населения.

Экономическая поляризация всегда сочетается с поляризацией социальной. Можно выделить относительно устойчивые сельские районы в пригородах, на юге и в некоторых республиках, лучше сохранивших демографический потенциал, с более здоровой социальной средой. На другом полюсе — районы наиболее тяжелой депрессии, где социально-демографическая деградация сочетается с экономическим коллапсом сельского хозяйства: северо-восток европейской России и многие районы Сибири. Их кризис связан с продвинутым ранее в неблагоприятные природные условия сельским хозяйством, особенно растениеводством, но на северо-западе страны депрессия сельского хозяйства объясняется прежде всего депопуляцией населения.

Главная проблема депрессивных сельских районов заключается в том, что здесь деградирует социум, который экономическими мерами восстановить трудно. Надежды на то, что в таких районах вместо крупных предприятий появится много фермеров и других товарных частных хозяйств, не оправдались. Малому бизнесу на селе тоже нужна определенная социальная среда и работники. В результате на окраинных сельских территориях происходит отмирание старого уклада жизни и хозяйствования с огромными потерями освоенного пространства.

Проникая в деревню, информационная глобализация привносит в нее новую систему ценностей, которая входит в острое противоречие с условиями жизни и работы в деревне. Молодежь в маргинальных районах уже не удержать в деревне ни рабочими местами, ни отдельными мероприятиями местных и федеральных властей. В Нечерноземье исключения составляют лишь территории двух типов: пригороды, где давно уже сложился симбиоз города и деревни, позволяющий селянам пользоваться плодами городской жизни, и архаичные местности («медвежьи углы»), куда глобализация еще не дошла, но дойдет. В остальных местах глобализация только усилит деградацию деревни, наложившись на длительный процесс еще не закончившейся в России урбанизации. Умиравшие деревни спасут разве что городские дачники, да и то избирательно. Однако они не спасут ни сельское хозяйство, ни сельское сообщество.

Тем не менее будущее сельского хозяйства и его способность обеспечить население продовольствием вовсе не выглядят катастрофичными. Дело не в количестве сельского населения и числе занятых в сельском хозяйстве, а в производительности их труда. Можно ожидать, что по мере выхода страны из кризиса и адаптации оставшихся предприятий к новым экономическим отношениям, в том числе благодаря территориальному разделению труда, его производительность, а также продуктивность сельскохозяйственного производства будут и дальше расти при уменьшении числа занятых (как это происходит, например, в Венгрии, Чехии, Польше). Выход из кризиса южных регионов, сохранение там и даже улучшение в результате притока мигрантов трудового потенциала села позволяют надеяться, что основная сельскохозяйственная зона России переживет кризис и увеличит свое значение, а сложившаяся в результате реформ многоукладность сделает сельское хозяйство более мобильным.

ЛИТЕРАТУРА

Горбачева Т. Л. Использование данных обследования населения по проблемам занятости в России для определения параметров теневой экономики // Вопросы статистики. 2000. № 6.

Иоффе Г. В., Нефедова Т. Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001. № 6.

Калугина З. И. Парадоксы Аграрной реформы в России: Социологический анализ трансформационных процессов. — Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, 2001.

Крестьяноведение: Теория, история, современность: Ежегодник [1996]... [1997]. — М.: Московская высшая школа социально-экономических наук; Интерцентр, 1996, 1997, 1999.

Махрова А. Г., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. — М.: Новый хронограф, 2008.

Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. — М.: Новое издательство, 2003.

Нефедова Т., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова? — М.: Новое издательство, 2006. — 316 с.

Нефедова Т. Г. Угорское поселение: растяжение и сжатие освоенного пространства // Перспективы российского Севера: «очаговая» экономика и социальная структура / Под ред. Н. Е. Покровского. — М.: Сообщество профессиональных социологов, 2007
Неформальная экономика: Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. — М.: Логос, 1999.

Пацюрковский В. В. Сельская Россия 1991–2000 гг. — М.: Финансы и статистика, 2003.

Перспективы российского Севера: «очаговая» экономика и социальная структура / Под ред. Н. Е. Покровского. — М.: Сообщество профессиональных социологов, 2007.

Природно-сельскохозяйственное районирование земельного фонда СССР / Под ред. А. Н. Каштанова. — М.: Колос, 1983.

Ракитников А. Н. Избранные труды. — М.: Ойкумена, 2003.

Рефлективное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. — М.: Московская высшая школа социально-экономических наук; РОССПЭН, 2002.

Российский северный вектор / Под ред. Н. Е. Покровского. — М.: Сообщество профессиональных социологов, 2006.

Россия в цифрах. — М.: Федеральная служба государственной статистики, 2007.

Рывкина Р. В. Драма перемен: экономическая социология переходной России. — М.: Дело, 2001.

Фадеева О. П. Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. — Новосибирск: Наука, 2003.

Численность и размещение населения. Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 г. — М.: Федеральная служба государственной статистики РФ, 2004. Т. 1.

Эфендиев А. Г., Болотина И. А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России: Социология, этнология. 2002. № 4.